

РУССКИЙ МИР

Философия любви Николая Станкевича

А. Н. СВАЛОВ

(РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)*

Автор статьи рассматривает взгляды Н. В. Станкевича на любовь, которые были неотделимы от поиска ответов на важнейшие вопросы миропонимания и человекопонимания. Отдельное место в статье уделено коллизиям любви в жизни самого Станкевича, порожденным его стремлением воплотить в реальной жизни образ «идеальной любви» к женщине.

Ключевые слова: феномен любви, чувство любви, самосовершенствование и самореализация человека, кружок Станкевича.

Nikolai Stankevich's Philosophy of Love

A. N. SVALOV

(RUSSIAN STATE ARCHIVE OF SOCIAL AND POLITICAL HISTORY)

The author of this article considers N. V. Stankevich's views on love that were inseparable from the search for answers on the most important questions of world outlook and human being outlook. A special attention is paid to collisions of love in Stankevich's own life that were induced by his urge to embody the image of «ideal love» for woman in the real life.

Keywords: phenomenon of love, love feeling, self-improvement, person's self-realization, Stankevich circle.

Каждый, кто обратится к обстоятельствам жизни и наследию Николая Владимировича Станкевича, с очевидностью отметит, сколь большое место в его мыслях и чувствах занимала тема любви. Ссылки на молодость мало уместны, поскольку отнюдь не возраст как таковой объясняет своеобразный культ любви, характерный для Станкевича и его товарищей по литературно-философскому кружку. Тема любви при всей ее самоценности была неотделима от поиска

ответов на смысложизненные вопросы бытия, от стремления к человекопониманию, желания собственного совершенствования и самореализации¹.

Заслуга Станкевича и других романтиков-идеалистов его времени состоит в том, что тема любви, не только в философско-метафизическом, но и практически-жизненном прочтении, с сильным акцентом на духовные сущностные начала человека, обозначилась как одна из стержневых для русской мысли.

* Свалов Александр Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), академик Академии социальных наук. Тел.: (495) 692-08-86. Эл. адрес: rchidni1@online.ru

Именно тогда, в 1830-е годы, определяются важные подходы к ее раскрытию, что в последующем способствовало созданию оригинальных концепций любви и пола, особенно русскими философами и писателями конца XIX — начала XX в.

Можно только сожалеть, что в современной отечественной литературе философия любви «идеалистов тридцатых годов» пока не получила достойного освещения.

ВОСПЕВАНИЕ ЛЮБВИ

Впервые свои возможности в качестве философствующего мыслителя Станкевич убедительно показал в небольшом по объему и незавершенном трактате «Моя метафизика», выполненном весной 1833 г. в форме двух эпистолярных посланий Я. М. Неверову. Этот текст, плотный по своему содержанию, позволяет, в частности, судить о его понимании любви как сложного, но исключительно значимого феномена.

Под влиянием различных источников — укажем прежде всего на Платона и раннего Ф. Шеллинга — любовь предстает у Станкевича совершенной жизнеутверждающей силой, пронизывающей все мироздание². «С тех пор, как началась любовь, должна была начаться жизнь; покуда есть любовь, жизнь не должна уничтожиться, поскольку есть любовь, и жизнь не должна знать пределов <...> Мир вечен, ибо любовь *не кончится*; не кончится, ибо она *есть*» (Станкевич, 2008: 156). В любви автор, близкий к пантеизму, видит тайну жизни, ибо благодаря энергии любви жизнь, беспредельная в пространстве и времени, непрерывно творит и развивает себя «по законам Разумения (по своим законам)» в бытийственной полноте природы. Любовь «примыкает последнее звено творения к началу, в нем повторившемуся, следовательно, любовь есть самовозвратная сила природы — безначальный и бесконечный радиус в круге мироздания» (Там же: 156, 157). Таким образом, любовь интерпретируется Станкевичем как *всеобщее субстанционально-метафизическое явление природного мироустройства и самой жизни, одно*

из предельных оснований универсального бытия. Не случайны поэтому взаимообусловленные формулы-утверждения, с которыми читатель встречается в указанном тексте: «*в целом природа есть Разумение*»; «*все создание есть жизнь*»; «*жизнь в целом есть Разумение*»; «*жизнь есть любовь*».

Однако Станкевича феномен общемировой или «всеобщей любви» интересовал главным образом для понимания *человеческой любви*. Если все мироздание пронизано жизнеутверждающей любовью, то что есть любовь человеческая? Что есть любовь для человека, в котором сверхконцентрировано «повторилась природа», в котором жизнь «*вся является*», осознавая себя «*отдельно — разумною и свободною*»? (Там же: 154, 155). Развернутых ответов на эти вопросы в «Моей метафизике» мы не увидим³, но даже из написанного ясно, что общемировая любовь проявляет себя в человеке не так, как в других «неделимых» природных образованиях. Она проявляет себя *отдельно* — разумно и свободно, наиболее полно, сознательно, позволяя человеку, в свою очередь, «возвышаться над видимым», «восходить к Разумению», ибо только человек («человек в чистом смысле, сохранивший все то, что составляет человечество») есть Его, Разумения, прекрасный образ (Там же: 154).

Очевидно, что в таком контексте философский идеализм сближается с религиозным в представлениях о трансцендентной сущности человека, проявляющейся в его устремленности (далеко не всегда осознанной) выйти за пределы эмпирически данного существования на пути к Божественному, обрести свою завершенность, полноту духовных, чувственных переживаний. Более того, Станкевич, заявляя, что «христианство, понимаемое во всей чистоте его, есть *учение любви*», выражал надежду, что чувством любви, которое «уже сделалось духовным воспитателем человека в наше время», скоро будет «религией человека»⁴ (Там же: 208). Вместе с тем важно отметить, что Станкевич никогда не отдавал приоритет теме *любви к Богу*, предпочитая в романти-

ческом вдохновении писать и говорить о проблемах собственно человеческой любви. Приведем очень интересное суждение из его письма Любви Бакуниной (старшей сестре М. А. Бакунина) от 15 февраля 1837 г.: «В человеке мы любим не Бога, но Бог — в этой любви; мы можем любить создание самое несовершенное, но потому что мы любим, потому что сбрасываем свое я, мы живем в Боге» (Переписка, 1914: 513).

Любовь предстает у Станкевича созидательно-творческой силой, которая ведет человека к новым горизонтам индивидуально-личностного самопознания и самореализации⁵ с учетом, конечно, того, что «всеобщую жизнью человек сделаться не может (ему недостает абсолютности)», но «он должен принять от нее все, что может принять» (Там же: 157). Либеральный мыслитель и политический деятель П. Н. Милюков, посвятив Станкевичу этюд в очерке «Любовь у “идеалистов тридцатых годов”», обобщал: «В человеке любовь — это высший и лучший способ чувствовать свое единство с миром; в то же время это и высшее проявление преимущества человека, как существа сознательного, над остальными частями мироздания. Культивируя в себе *человеческое*, т. е. то, что возвышает человека над вселенной, мы исполняем величайшую задачу, возложенную на нас Провидением» (Милюков, 1903: 76).

Станкевич в достаточной мере реалистичен, он признает, что современное ему поколение не воспитано «в любви и свободе». А между тем, поясняет он в одном из писем к Любви Бакуниной, «всем нашим слабостям один источник: недостаток любви» (Станкевич, 1982: 160). Но, заметим, никаких особых, чудодейственных рецептов для возвышения к любви Станкевич не предлагал. Он убежден, что для того, чтобы росла, расширялась любовь, необходимо не устранение отдельных недостатков поодиночке, а «воспитание сознания», самосовершенствование всего человека, который должен «быть более развитым, быть духом». Отсюда призывы к жизни духовной, нравственной, к по-

вседневным проявлениям открытости, доброты и сердечности во взаимоотношениях людей, одним из примеров которых мог служить его дружеский кружок. Отсюда и призывы к постижению и восприятию прекрасного, такого эстетического явления, как красота (ведь предмет любви всегда прекрасен). «...Любовь, — утверждал Станкевич, — должна выходить из богатства нашего духа, исполненного силы и деятельности и отыскивающего в самой любви только новую, высшую, полнейшую жизнь» (цит. по: Анненков, 1881: 345).

Принципиально важно, что у Станкевича любовь выступает *особым индивидуализированным чувством*, в котором выражается ее Божественная природа. Когда в «Моей метафизике» Станкевич пишет о разуме, воле и чувстве⁶ как трех важнейших «фактах», определяющих «направления» жизни, он на первый план выдвигает именно чувство, заявляя, что жизнь «есть чувство по преимуществу». «Вся она держится чувством — в неделимых, начавших сознавать себя отдельно, чувство это обнаруживается любовью». И далее, обосновывая значимость любовного чувства, делает вывод: «...Человек только тогда все познает, когда любит, и кто любит, тот действует прекрасно» (Станкевич, 2008: 156). Чувство любви с его интимным переживанием высших смыслов и ценностей бытия расцветивает жизнь, согревает и вдохновляет человека, очищает его душу. Без ощущений любви и дружбы, заключает он, «жизнь не имеет смысла», без них «человек поневоле делается дурным» (Там же: 270).

Для Станкевича несомненна истина, что любовь наиболее ярко проявляется в индивидуализированном чувстве полового влечения к другому человеку, в жажде слияния с ним в одну плоть и душу. На этом следует остановиться подробнее на примере размышлений и переживаний самой интересующей нас персоналии.

ЛЮБОВЬ ИДЕАЛЬНАЯ И ЗЕМНАЯ

Вначале констатация на первый взгляд несколько неожиданная: Станкевич — дворян-

нин, хорошо образованный, приятный в общении, к тому же, благодаря предприимчивому отцу, обеспеченный, до конца своей жизни так и не обрел полноту счастья в любви. Можно, конечно, сослаться на конкретные жизненные обстоятельства, но объяснение по большому счету не в них, а в философии любви Станкевича, точнее в романтическом максимализме, который долгое время серьезно влиял на его личную жизнь.

Станкевич мечтал о любви⁷, благодаря которой его влекла бы к женщине «совокупная жажда природы и духа», чтобы он в ней «узнавал себя», чтобы в акте любви он торжествовал «свое соединение с целым созданием» (Переписка, 1914: 388). Вниманием женщин, которые могли бы разделить его любовные ожидания, он не был обделен.

Не будем подробно пересказывать романтические истории — они достаточно известны, прежде всего из писем самого Станкевича. Для нас важнее обозначить причины несчастливых исходов этих историй.

Вероятно, главная из них обусловлена влиянием на Станкевича его идеальных запросов о том, какова *должна быть любовь*, какова *должна быть женщина*, достойная любви. Почему закончился, едва начавшись, один из первых романов Станкевича (ему шел тогда девятнадцатый год) с юной девушкой, знакомой еще со времен, когда он был пансионером в Воронеже? Станкевич считал, что в ней сердце иное, чуждое тех «святых дум, которые так любишь», а потому с ее стороны не могут быть и глубокие чувства (см. там же: 242). Но вот другой, затянувшийся с осени 1833 до начала 1835 г. роман с Натальей Беер, «светлой девушкой» из известной семьи, «достойной во всех отношениях». Станкевичу льстят ее признания в любви, он понимает, что его искренне любят, но в ответ готов предложить только... «братскую любовь» (Станкевич, 2008: 177). Встречи с Натальей, однако, продолжились, что стало поводом для упреков Станкевича в неблагородстве и даже в волокитстве. (Позднее Беер вышла замуж за своего двоюродного брата В. К. Ржевского, который

в середине 1830-х годов был близок к кружку Станкевича.)

При всех конкретных обстоятельствах Станкевич рефлектирует и осознанно сдерживает себя, он заявляет, что не хочет «распотачать чувства», поскольку в мечтах устремлен к «идеальной любви»; он ждет женщину-«богиню», любовь которой «будет равна моей» и с которой возможно «восходить к Разумению». Он готов даже объявить себя существом, «не стоящим любви и не могущим платить ни за чью женскую любовь», но, в любом случае, он не хочет довольствоваться «мелким чувством» (Переписка, 1914: 313; Станкевич, 2008: 180). «...Я хотел бы перемены в душе, хотел бы любви, любви грозной, палящей! Пускай бы опустошительный огонь ее прошел по всему ничтожному бытию моему, разрушил слабые узы, которыми оно опутано, испепелил томительное горе и рассеял беспокойные призраки, блуждающие во мраке душевном! Я бы воскрес, я бы ожил!» (Переписка, 1914: 249). Но до тех пор пока не настала палящая любовь, не встретила женщина, воплощающая идеал, «жизнь моя станет стремлением к одной цели — быть достойным ее» (Станкевич, 2008: 180).

Нельзя не заметить, однако, что красивые, вдохновенные слова служили отчасти прикрытием неготовности Станкевича к *действительному* чувству. М. О. Гершензон вполне справедливо пишет, что «мечты» о любви «уже успели стать той атмосферой, вне которой ему трудно дышать. Только в них он находит ничем не возмущаемую красоту и безграничный простор, действительность же давит его грубой законченностью своих форм и оскорбляет примесью прозы во всяком проявлении красоты» (Гершензон, 2000: 64). Станкевич вырывает себя из объятий земной, действительной любви, ибо она может стать помехой мечтаниям, выступить диссонансом с призрачным идеалом. А потому ему «отрадно разбить употребительный сосуд, поднесенный любовью, и сказать: я выше толпы счастливых, я имею право сделать упрек судьбе...». И он прибав-

ляет: «Есть прелесть в отчаянии, с которым смотришь на прелестное создание, с которым никогда, никогда ты не соединишься, с которым разлучила тебя твоя мысль, высокая, благородная!» (Переписка, 1914: 252).

Станкевич не боится разочарований в любви, ибо чувство должно постоянно возвышать душу, и даже лучше, если оно будет оставаться какое-то время неудовлетворенным. «Наше мечтательное счастье, — рассуждал он, — лучше действительного уже и потому, что мы, вероятно, наслаждения в этом так называемом счастье не нашли бы» (цит. по: Милюков, 1903: 76). Ему дороги волнения, переживания, даже если они и не сопряжены со счастьем в любви, поскольку они могут давать душе новые, яркие ощущения. Ради таких даже страданий не стоит опасаться.

Романтический максимализм Станкевича привел в конечном итоге и к фактическому свертыванию отношений с Любовью Бакуниной. Напомним, что их роман завязался в начале 1835 г. Спустя некоторое время Станкевич стал убеждать себя и окружающих, что он наконец-то обрел искомую любовь, что он счастлив. В начале 1837 г. было получено согласие родителей с обеих сторон на помолвку, но вскоре сомнения в искренности собственных чувств стали посещать душу Станкевича (см. подробнее: Корнилов, 1915: 294–305). До открытого разрыва дело, правда, не дошло. Но можно только почувствовать Бакунину, когда в марте 1837 г. так и не состоявшаяся невеста узнала, что Николай, сославшись на болезнь, решил отправиться за границу лечиться, а заодно и учиться гегельянству... Судьба помогла окончательной развязке: в августе 1838 г. Любовь Бакунина скончалась от туберкулеза. (Менее чем через два года от той же роковой болезни умрет Станкевич.)

Возникает соблазн объяснить исход сердечных историй стечением обстоятельств. Но предоставим слово самому Станкевичу. В ноябре 1837 г., признаваясь, что отношения с Любовью Бакуниной были ошибкой, он напишет, что «не имел определенного жела-

ния и потому удовлетворять было нечего; я хотел перерождения, которое бы мне дало самые потребности... И такая слабая, убитая душа могла любить? Отделенная от мира — *schöne Seele* (нем. яз.: прекрасная душа. — А. С.) — она создавала себе бледные образы и потом искала им подобия между людьми» (Переписка, 1914: 723). Показательное признание, не правда ли? А вот строки из письма М. А. Бакунину из Берлина от 1 февраля 1838 г.: «Я никогда не любил. Любовь у меня всегда была прихоть воображения, потеха праздности, игра самолюбия, опора слабодушия, интерес, который один мог наполнить душу, чуждую поддых потребностей, но чуждую и всякого истинного, субстанционального (говоря языком философским) содержания» (Там же: 650). Конечно, в этих эпистолярных исповедях можно увидеть все тот же романтический надрыв, но значительная доля правды в них имеется. Человек, односторонне выстраивая любовь под самодовлеющие идеалы, обедняет свою жизнь и земные, вполне «натуральные», наполненные действительным богатством, любовные чувства. Станкевич в последние годы жизни стал это понимать, но обрести личное счастье с женщиной так и не успел.

Тем не менее будем благодарны Станкевичу и другим романтикам 1830-х годов за воспевание любви как смысложизненной ценности, за стремление к утверждению человеческого в человеке. Их наследие предстает исключительно актуальным в настоящее время, когда в условиях господства рационализма, безудержного потребительства усиливается отчуждение человека от самого себя и возрастает угроза разрушения его духовных сущностных свойств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Особенности философского и этического рассмотрения Станкевичем проблематики человека посвящена наша предыдущая статья в журнале (Свалов, 2009).

² Интересно отметить, что в философских построениях Станкевича любви как общими-

ровой силе не противостоит другая, оппозиционная сила, например ненависть или зависть.

³ Проблемам человеческой любви автор намеревался посвятить отдельное письмо. Приведем завершающие строки текста «Моей метафизики: «(Следует о любви человека. В письме этом нужно коротко объяснить свободу воли, падение человека, достоинство человеческих действий из сравнения с действиями всеобщей жизни)» (Станкевич, 2008: 157). Письмо не было написано.

⁴ Иногда в литературе, ссылаясь на эти высказывания Станкевича, отмечают, что он чуть ли не предвосхитил учение Л. Фейербаха о «религии любви». Подобные утверждения неоправданны хотя бы потому, что никакого учения как такового Станкевич не создавал.

⁵ В этой связи укажем на серьезное и оригинальное исследование Р. Б. Сабекии (Сабекия, 2007), в котором философия любви рассматривается в контексте проблематики самореализации человека.

⁶ Такая триада позаимствована Станкевичем у французского философа-эклектика Виктора Кузена. В отличие от Станкевича он использовал ее для характеристики явлений человеческого сознания.

⁷ Во времена студенчества Станкевич не был чужд удовлетворению потребностей плоти, иногда прибегая к услугам продажных женщин. Это была, как он писал позднее, «страшная эпоха» поклонения чувственности «в гадком виде», которая лишь укрепила его в выводе, что «чувственное соединение должно быть неразрывно с духовным», ибо сфера человека — дух, и «все физически натураль-

ное в нем должно быть согласно с духом» (Переписка, 1914: 387, 388).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анненков, П. В. (1881) Воспоминания и критические очерки : сб. статей и заметок. 1849–1868 гг. Отдел 3: Замечательное десятилетие (1838–1848). СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича. С. 268–383.

Гершензон, М. О. (2000) Избранное. Т. 2: История молодой России. М. : Изд-во «Университ. книга» ; Иерусалим : Gesharim. С. 61–80.

Корнилов, А. А. (1915) Молодые годы Михаила Бакунина: Из истории русского романтизма. М. : Тип. «М. и С. Сабашниковы».

Милюков, П. Н. (1902) Любовь у «идеалистов тридцатых годов» // Милюков, П. Из истории русской интеллигенции : сб. статей и этюдов / 2-е изд. СПб. : Издание товарищества «Знание». С. 74–81.

Переписка Николая Владимировича Станкевича, 1830–1840 (1914). М. : Редакция и издание Алексея Станкевича.

Сабекия, Р. Б. (2007) Самореализация личности. Онтология, гносеология, аксиология любви. М. : Наука.

Свалов, А. Н. (2009) Н. В. Станкевич: «Человек выше всего...» // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 178–184.

Станкевич, Н. В. (1982) Избранное / сост., вступ. статья и примеч. Г. Г. Елизаветиной. М. : Сов. Россия.

Станкевич, Н. В. (2008) Избранное / вступ. ст. и примеч. Б. Т. Удодова. Воронеж : Изд-во «Центр духовного возрождения Черноземного края».